

§ 3. Присвоение интеллектуальной собственности

Неизбежным, страшным последствием нового закона, несмотря ни на все уступки, которые мог бы сделать законодатель, ни на протесты тех, которые требуют введения литературной монополии, будет то, что не только самое произведение, но и общая всем, безличная, неотчуждаемая идея — превратится в собственность. В этом случае содержание нераздельно от формы; одно неизбежно следует участи другого. В результате окажется, что кроме монополизированной книги нельзя будет ни читать, ни писать никакой другой, нельзя будет иметь никакой другой мысли, кроме мысли писателя-собственника.

Возьмем для примера Арифметику Безу и для удобства предположим, что Безу первый изобрел письменную нумерацию, четыре правила, пропорции, логарифмы и т. д. Безу издает свою Арифметику и закон дарует ему право вечной продажи этого сочинения.

Следовательно, все другие арифметики будут запрещены, так как очевидно, что здесь содержание преобладает над формой; что от разности редакции сущность несколько не изменяется; что арифметические действия всегда одни и те же; что таблицы логарифмов всегда одинаковы; что арифметические знаки, язык, определения — не изменяются. Таким образом для всей Франции, для всей Европы будет существовать только один учебник Безу и все те, которые захотят выучиться считать должны будут учиться по этому учебнику.

Все вышесказанное может относиться и к учебникам геометрии, алгебры, физики и проч. Следовательно, всякая конкуренция, для этих изделий, все достоинство которых заключается в идее, будет уничтожена; (под конкуренцией в этом случае я подразумеваю возможность воспроизвести идею изобретателя в других выражениях). Одним словом, так как содержание преобладает над формой, то и будет существовать одна только книга, по весьма простой причине, что идея одна и та же: *Una idea, unus auctor, unus liber*.

Возьмем другой пример; мы только что видели как содержание преобладает над формой, теперь же увидим как форма берет верх над содержанием.

В силу одного закона 1791-го года, подтвержденного в последнее время, молитвенники сделались епископальной собственностью. В каждой епархии они продаются в пользу епархиального духовенства, во всяком случае никто не может их продавать без разрешения духовенства. Следствием этого присвоения было то, что все молитвенники стали похожи один на другой, так что верующий может молиться Богу только по известной форме и в

выражениях, предписанных высшим духовенством. «Церковные часы», «Ангелы путеводители» и все тому подобные книги духовного содержания могут продаваться только с разрешения Епископа. Здесь, говорю я, форма преобладает над содержанием, и в самом деле, какая сущность этих книг? Это стремление души к Богу, на которого она смотрит, как на отца, творца, искупителя, олицетворение справедливости и наконец, как на мстителя, наказующего за грехи. Основываясь на таких общих, неопределенных данных, понятно, что можно разнообразить выражения до бесконечности и писать книги на столько отличные одна от другой на сколько Батрахомиомахия отличается от Иллиады. Но церковь предупредила подобную деятельность, она составила формулы для молитв, сочинила утренние и вечерние молитвы с сохранением за собою права перевода и истолкования. Следовательно, действительно здесь форма преобладает над содержанием, так как по закону никто не может учить детей молиться Богу и распространять формулы славословия, неодобренные духовенством. Нетрудно было бы причислить к той или другой категории, т. е. к научным книгам, в которых содержание преобладает над формой, или к религиозным, в которых форма преобладает над содержанием, все произведения литературы и искусства и присваивать себе то форму в ущерб идее, то идею в ущерб форме.

Раз что какое нибудь сочинение философского, или политико-экономического, или юридического содержания, заключающее новые, оригинальные идеи будет признано классическим, то оно исключит все прочие, подобные ему сочинения, сущность которых будет та же, с изменением лишь выражений. Всякий знает, что преступление против литературной собственности не заключается только в заимствовании чужих фраз, имени, но и в присвоении чужого учения, чужого метода, чужой идеи и этот род воровства принадлежит к самым низким. Существуют разные «философии» — Декарта, Малебранша, Спинозы, Канта и т. д.; есть две книги, носящие заглавие: «Доказательство существования Бога», — одна Кларка, другая Фенелона; есть «Нравственность» Зенона и другая «Нравственность» Эпикура и т. д. Выдача автору бессрочной привилегии на издание и изменение своего сочинения принесет большой ущерб книгопродавцам, уничтожив всех подражателей, контрафакторов, копиистов, комментаторов и т. д.

Заметьте, что это будет совершенно логично и даже, с некоторой точки зрения, полезно и нравственно. Всякая посредственность не посмеет уже больше писать; вороны в павлиньих перьях будут изгнаны; болтовня прекратится. Конечно подобным полицейским мерам я предпочту суд общественного мнения (хотя оно иногда и заблуждается, а иногда долго не высказывается); но в сущности требования собственников будут все таки совершенно основательны и рано или поздно правительство, найдя и в этом свою выгоду окажет им справедливость.

То же самое можно сказать и о творениях искусства, сущность которых также заключается не в выборе предметов, но в форме, сообщённой идеалу.

Например про драматического артиста говорят, что он создал роль и в самом деле истинный артист только по этому творчеству и узнается. Следовательно, зачем же позволять другому артисту, искусному в подражании, но неспособному к созданию ролей, завладевать собственностью своего товарища и играть не обдумывая те же роли, благодаря только стараниям другого. Всех подражателей нельзя назвать артистами, их можно терпеть только

до тех пор, пока они не искажают оригинала. Что же из этого следует? Для того, чтобы гарантировать драматическому артисту ненарушимость его права, которое также священно, как и право автора, нужно запретить всякому подражать ему, что неисполнимо; или запретить всем другим представление той же пьесы, что уже совершенно нелепо.

Все вышесказанное может относиться и к живописи, и к скульптуре, и к поэзии, и к роману. Поэтическая идея точно также может быть украдена, как воруются алгебраическая идея или какое нибудь изобретение; в мире искусств есть столько же людей, живущих этим родом воровства, сколько и в мире промышленности и мануфактуры. Если только будет принят закон о художественной и литературной собственности, то он должен будет предвидеть все эти случаи воровства, должен будет учредить особый род присяжных экспертов и так как форма преобладает над содержанием, то мы придем наконец к тому, что будем обращать в собственность и самые сюжеты сочинений, как то делали Египтяне, жрецы которых одни только имели право, по раз установленным правилам, производить барельефы, статуи, сфинксы, обелиски, строить храмы и пирамиды. Вот до чего доводит нас логика, которая как известно всегда безжалостна в своих приговорах.

Версия #1

Зверобой создал 24 марта 2025 04:46:45

Зверобой обновил 24 марта 2025 04:49:00